

Фаина Раневская

АНДРЕЙ ШЛЯХОВ

**Я — ВЫКИДЫШ
СТАНИСЛАВСКОГО**

Издательство АСТ
Москва

УДК 792.2(470)(092)

ББК 85.33(2)-8

Ш70

Шляхов, Андрей Левонович

Ш70 Я – выкидыш Станиславского / Андрей Шляхов. – М.:
Издательство АСТ, 2020. – 352 с.

ISBN 978-5-17-119564-9

Это первая книга, в которой представлена не только полная биография актрисы и фактически самого популярного автора российского книжного рынка, но и все знаменитые, колкие, остроумные, язвительные афоризмы Фаины Раневской.

Только она могла ответить детям, которые окружили ее с радостными возгласами «Муля! Муля!» – «Пионеры, идите в ж³пу».

И только она могла сказать: «Жизнь – это небольшая прогулка перед вечным сном».

УДК 792.2(470)(092)

ББК 85.33(2)-8

© Шляхов А., 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

ПРОЛОГ

ЛЮБОВЬ ОДИНОКОЙ НАСМЕШНИЦЫ

От таганрогского железнодорожного вокзала до дома, где родилась Фаина Раневская, рукой подать. Можно дойти пешком за четверть часа. Пройдете мимо помпезного здания краеведческого музея, мимо дома, где когда-то ставил любительские спектакли Антон Чехов. Почтовое отделение, школа...

Вы уже пришли. Вот он — двухэтажный кирпичный домик с балконом. И Раневская здесь же.

Она стоит на тротуаре возле своего дома и смотрит прямо перед собой.

А может, и не совсем прямо, а чуть выше и правее — на тот самый балкон, где Фане Фельдман так славно мечталось ласковыми теплыми южными летними ночами.

Давно прошли те времена, а летние ночи в Таганроге все те же — ласковые и теплые. И дом сохранился, только живут в нем совсем другие люди. Выходят на балкон подышать свежим воздухом, видят Раневскую в образе Ляли и всякий раз, должно быть, улыбаются про себя, вспоминая вечное: «Муля, не нервируй меня!»

Вы спросите: почему они должны вспоминать именно эту фразу? Разве мало на свете других запоминающихся фраз?

Я не стану спорить — фраз хватает. Но когда смотришь на Лялю из фильма «Подкидыш», ничто другое, кроме «Муля, не нервируй меня!», на ум не приходит.

Казалось бы, пустячок — всего четыре слова. А вы попробуйте! Придумайте сами коротенькую фразу и произнесите ее так, чтобы запомнили все. Чтобы эта фраза стала вашей визитной карточкой...

Ей могли поставить другой памятник. Высоченный пьедестал, на котором в кресле сидит великая актриса и думает о вечном... Такой памятник, безусловно, воплотил бы вели-

Фаина Раневская

чие Раневской, но не передал бы ее сущности. Великие актрисы — они ведь тоже бывают разные. Смотришь на одну и понимаешь, что она ни на кого не похожа, а взглянешь на другую — и сразу вспомнишь соседку тетю Машу. Или школьную учительницу химии. Или продавщицу из магазина на углу. Или еще кого...

Лялю из «Подкидыша» можно найти на каждой улице, в любом из городов. Так же, как и Мачеху из «Золушки», Розу Скороход из «Мечты» и «Королеву Марго» из «Легкой жизни».

Фаина Раневская не играла своих персонажей, она становилась ими, жила их жизнью, мечтала, страдала, надеялась, чувствовала и думала так же, как это делали они.

На доме висит мемориальная доска, сообщающая, что здесь «родилась, провела детские и юношеские годы выдающаяся артистка, лауреат Государственных премий Фаина Георгиевна Раневская».

На доске не указаны даты.

И правильно — зачем они нужны?

Однажды в телевизионном интервью Фаина Георгиевна вспоминала свою насыщенную сменами многочисленных театров юность. Отвечая на вопрос ведущей о причинах столь бурной деятельности, Раневская сказала:

— Я искала настоящее святое искусство!

— И наконец нашли его?

— Да!

— Где же?

— В Третьяковской галерее.

Глава первая ТАГАНРОГ

Весенним солнцем утро это пьяно,
И на террасе запах роз слышной,
А небо ярче синего фаянса.
Тетрадь в обложке мягкого сафьяна;
Читаю в ней элегии и стансы...

Анна Ахматова. «Обман»

«Таганрог — совершенно мертвый город. Тихие, пустынные, совершенно безлюдные улицы, засаженные по обеим сторонам деревьями в два ряда — акациями, тополями, липой, из-за которых летом не видно домов... Отсутствие движения на улицах, торгового оживления, мелкий порт, не позволявший большим судам подходить близко к Таганрогу, пустынные сонные бульвары у моря и над морем — и всюду тишина, мертвая, тупая, подавляющая тишина, от которой... хочется выбежать на улицу и закричать «караул». Тихим очарованием печали и одиночества, заброшенности, медленного умирания веет от безлюдных широких улиц, заросших деревьями, погруженных в дремотное безмолвие; кажется, пройдет еще несколько лет — и буйно разросшиеся акации и бразильские тополя погребут под собой город, и на его месте зашумит густой, непроходимый, дремучий лес».

Таким виделся родной город Антону Павловичу Чехову.

С ним был солидарен писатель-публицист (и между прочим, страстный балетоман) Валериан Яковлевич Ивченко (литературный псевдоним В.Я. Светлов):

«Таганрог — очень неинтересный город для принужденных постоянно обитать в нем, и главным образом неинтересный по климатическим условиям: жара в нем стоит неестественная, доходящая летом до 48–50 градусов, а холод зимою до 20 и больше...

Таганрог производит на человека, попавшего в него в первый раз, странное и унылое впечатление выморочного города: улицы пустынные, как в Помпее, ставни у всех домов

Фаина Раневская

наглухо заперты; изредка попадаете неторопливо идущий прохожий; даже на главной, Петровской, улице летом нет никакого движения, а зимою — лишь небольшое, да и то в определенный вечерний час...

Не имея канализации, водопровода и стоков, город не может быть действительно чистым; в особенности отвратительно в нем содержание ассенизационного обоза, распространяющего по вечерам невероятное зловоние на улицах. Несчастные обыватели только что открыли ставни и окна, желая воспользоваться наступившей хотя бы относительной прохладой, как уже приходится закрывать окна, чтобы спастись от мчащегося с грохотом обоза.

Были, однако, люди, которым Таганрог нравился. Люди, которым здесь жилось хорошо.

Таганрог для Гирша Хаимовича Фельдмана был не мертвым, а живым городом. Нескучным. Городом, в котором жизнь была ключом, кипела, бурлила.

Химическая фабрика по производству сухих красок, несколько домов, склады, магазины, нефтяные промыслы и пароход «Святой Николай»... Владея и управляя подобным состоянием, скучать некогда. Кроме того, Гирш Фельдман был старостой синагоги и председательствовал в еврейском благотворительном обществе города Таганрога.

В «Книге для записи сочетания браков между евреями на 1889 год» таганрогский раввин по фамилии Зельцер 26 декабря 1889 года зарегистрировал брак мещанина местечка Смилловичи Игуменского уезда Минской губернии Гирша Хаимовича Фельдмана и девицы — лепельской мещанки Витебской губернии Мильки Рафаиловны Заговайловой. Жениху было двадцать шесть лет, а невесте — семнадцать.

Зарегистрировав этот брак, ребе Зельцер, сам того не ведая, обеспечил себе место в истории. Ведь именно те, кого в ту далекую зиму он благословил на долгую и счастливую жизнь вместе, станут родителями одной из самых ярких, самых талантливых актрис двадцатого столетия — через пять с половиной лет после свадьбы, 27 августа 1895 года в семье Фельдманов родилась дочь Фаина.

Гирш Фельдман был типичным деловым человеком, которого в первую, вторую и третью очередь интересовали только деньги, а невеста — трепетной особой, красавицей, преисполненной высоких чувств. Экзальтированная натура, поклонница литературы, музыки и прочих искусств, обожавшая, кстати говоря, Чехова.

«Существует понятие «с молоком матери». У меня — «со слезами матери». Мне четко видится мать, обычно тихая, сдержанная, — она громко плачет. Я бегу к ней в комнату, она уронила голову на подушку, плачет, плачет, она в страшном горе. Я пугаюсь и тоже плачу. На коленях матери — газета: «...вчера в Баден-Вейлере скончался А.П. Чехов...»

Раневская говорила, что в этот день кончилось ее детство.

А было ли оно у Раневской вообще — детство? Не как отрезок времени в жизни человека, а как прекрасная пора, полная чудесных открытий, родительской любви и беззаботного веселья?

«Мне вспоминается горькая моя обида на всех окружавших меня в моем одиноком детстве», — писала Раневская. К одиночеству она начала привыкать с малых лет, правда, так с ним и не смирилась до самого конца жизни.

Маленькая Фаина, как это нетрудно представить, не любила Новый год, этот чудесный праздник с наряженной елкой и кучей подарков. Причина была проста: на праздники признанную красавицу, старшую сестру Беллу наряжали словно принцессу. В прелестном наряде та казалась еще обольстительнее, чем обычно. Окружающие восхищались Беллой, порой преувеличенно восторженно, чтобы польстить отцу, не чаявшему души в очаровательной дочери, и совершенно забывали про некрасивую и неуклюжую заику Фаину, завистливо наблюдавшую за очередным триумфом сестры со стороны. Ей, как и всякому ребенку, хотелось похвал, внимания, аплодисментов, но всего этого девочка была лишена и оттого чувствовала себя несчастной, никому не нужной.

Существует теория, утверждающая, что всю свою жизнь человек инстинктивно старается добрать то, что недополучил в детстве. Кто-то покупает себе, любимому, дорогие игрушки-

Фаина Раневская

ки, кто-то забивает шкафы нарядами, а кто-то не мыслит и дня без изысканных блюд. Вполне возможно, что главным стимулом творческого пути Раневской-актрисы стала жажда внимания, жажда признания, жажда восхищения со стороны окружающих.

Кто знает — будь детство Фаины Фельдман другим, таким, как ей самой хотелось его видеть, мир мог бы остаться без великой актрисы Фаины Георгиевны Раневской. Зато одним счастливым человеком на земле стало бы больше, а это тоже много значит. Увы, время нельзя повернуть вспять...

У четы Фельдманов было четверо детей: первенец Белла, Яков, Фаина и Лазарь, умерший ребенком. Трудно сказать, какие отношения царили в семье Фельдманов, но по воспоминаниям Фаины Георгиевны до идеальных им было далеко. Возможно, маленькая Фаня была чересчур ранима, как это свойственно артистическим, творческим натурам. Возможно, она излишне замыкалась в себе, стесняясь своего заикания, а возможно, в обеспеченной семье Фельдманов, как и во многих других семьях, считалось, что главное — это чтобы дети были сыты, хорошо одеты и, слава богу, здоровы, а на все остальное внимания просто не обращали.

По собственному признанию, Фаня боялась и не любила своего отца и обожала мать, от которой унаследовала чувствительность, артистичность, любовь к музыке, чтению, театру.

Фельдманы не бедствовали. Они жили на широкую ногу. Дом — полная чаша, множество прислуги, дача под Таганрогом. Летом дача обычно пустовала — Фельдманы проводили это время года в Швейцарии, Франции или Италии.

Воспитание в семье Фельдманов, как и полагалось в те благословенные времена, было очень строгим. За любой провинностью следовало наказание, причем нотацией или стоянием в углу дело ограничивалось не всегда. Случались и порки. Так, например, когда Фаина со старшим братом Яковом однажды сбежали из дома и были пойманы по дороге на вокзал городовым, дома их ждала порка, а не зажаренный упитанный телец, которым положено встречать блудных детей.

В Фаине рано проявились творческие наклонности. Еще в раннем детстве она испытывала непреодолимое желание повторять за дворником все, что он говорит и делает. На дворнике останавливаться не стала — изображала всех, кто только попадался на глаза. «Подайте Христа ради», — канючила вслед за нищим; «Сахарная мороженая!» — вопила вслед за мороженщиком; «Иду на Афон, Богу молиться», — показывая приторно благочестивую паломницу, четырехлетняя девочка шамкала «беззубым» ртом и ковыляла с палкой, согнувшись в три погибели.

Актрисой себя Фаина почувствовала в пятилетнем возрасте. У Фельдманов был траур — умер Лазарь, младший брат Фаины. Жалея его, она плакала весь день, но все же, улучив момент, отодвинула занавеску на зеркале (обычай требовал занавешивать зеркала, если в доме находится покойник, чтобы душа его не страдала, не находя в них своего отражения) посмотреть, как она выглядит в слезах.

Фаину с детства влекло к талантливым людям, она признавалась, что искренне завидовала их таланту. Так, когда в гости к старшей сестре Белле приходил гимназист, который читал ей наизусть стихи, не забывая при этом вращать глазами, взвизгивать, рычать тигром, топтать ногами, рвать на себе волосы и заламывать руки, Фаина трепетала от восторга, а рыдания теще в завершение декламации доводили ее до экстаза.

В положенное время Фаина Фельдман была принята в Мариинскую женскую гимназию, располагавшуюся на Атаманской улице (здание гимназии не только сохранилось до наших дней, но и профиль свой не изменило — там и сейчас располагается гимназия «Мариинская», бывшая школа-гимназия № 15).

Учеба не заладилась с первых же дней. Преподаватели объясняли непонятно и были чрезмерно строги, а сверстники то и дело насмеялись над робкой, застенчивой и вдобавок заикающейся девочкой. Никто не хотел дружить с Фаиной (проучившись в гимназии несколько лет, она так и не завела ни одной подруги), но вот поиздеваться над безответным созданием хотелось всем.

Фаина Раневская

Раневская никогда не скрывала, что училась она плохо, никак не могла усвоить четыре правила арифметики, гимназию ненавидела, оставалась на второй год. Учиться ей было неинтересно. Задачи, в которых купцы продавали сукно дороже, чем приобретали, были скучны и непонятны. Фаина решала их со слезами, ровным счетом ничего в них не понимая. Возможно, что врожденное отсутствие интереса к наживе навсегда сделало Раневскую крайне нерасчетливой и патологически непрактичной особой.

Фаина умоляла родителей пожалеть ее и забрать из гимназии. Одна из гимназических учительниц, решив подбодрить Фаину, подарила ей медальон с надписью «Лень — мать всех пороков», который Раневская с гордостью носила.

Ценой невероятных страданий Фаина проучилась в младших классах и наконец-то смогла упросить родителей положить конец ее гимназическому образованию. Обучение продолжилось дома, тогда это было в порядке вещей. К Фаине стали приходить учительницы из покинутой ею гимназии и репетиторы — усатые гимназисты старших классов. Впоследствии всю свою жизнь она сама училась наукам, увлекавшим ее, и по собственному утверждению, возможно, и была бы «в какой-то мере грамотна», если бы этому не мешала плохая память. Раневская любила читать и всю свою жизнь читала запоем. В детстве она часто плакала навзрыд над книгой, в которой кого-то обижали. Вместо утешения у девочки отнимали книгу, а ее саму ставили в угол.

Программа «домашней гимназии» была несложной: девушке из приличной семьи полагалось иметь хорошие манеры, уметь петь, музицировать, сносно объясняться на одном-двух иностранных языках, чтобы слыть образованной особой и стать впоследствии хорошей женой.

Гимназическую неприязнь к педагогам (весьма часто — заслуженную, ибо в то время педагогика была сурова и более походила на муштру) Фаина перенесла и на своих домашних учителей и воспитателей. По собственному признанию, она ненавидела свою гувернантку, ненавидела бонну-немку. По

ночам Фаина молила Бога, чтобы бонна, любившая кататься на коньках, упала и расшибла себе голову до смерти.

Не надо делать поспешных выводов и считать Фаню Фельдман монструозной личностью на основании того, что она желала смерти бонне. Детям это свойственно — желать смерти кому-то из ближних и рыдать, заливаясь слезами, над судьбой малютки Оливера Твиста. Со временем плохое проходит, а хорошее остается, правда, бывает и наоборот. Да и бонны бывают разные — кому-то попадается Мэри Поппинс, а кому и фрекен Бок. (Кстати, знаете, кто озвучивал фрекен Бок в советском мультфильме про Малыша и Карлсона? Фаина Раневская!)

Фаня росла впечатлительной девочкой. Так, однажды в детстве она увидела «цветной» фильм (цветных фильмов в современном понимании тогда, конечно, не было, скорее всего это была раскрашенная вручную пленка) — сцену из «Ромео и Джульетты». Можете представить восторг двенадцатилетней мечтательницы, наблюдающей за тем, как по приставной лестнице на балкон взбирается юноша неопишущей красоты, а на балконе появляется столь же неопишущей красивая девушка. Молодые люди падают друг другу в объятия, целуются... От восхищения юная Фаня разрыдалась — столь сильным было это потрясение.

Вернувшись домой, она кинулась к своему богатству — копилке в виде фарфоровой свиньи, набитой мелкими деньгами. Опьянев от встречи с искусством, дрожащими руками схватила она копилку и без сожаления швырнула ее себе под ноги, на пол! Все деньги, которые оказались в копилке, Фаина отдала соседским детям, после чего всю ночь не могла уснуть. Не от проснувшейся позже жадности, нет — от радости и волнения.

В Таганроге, по воспоминаниям Раневской, было множество меломанов. Ее знакомые присяжные поверенные попеременно собирались друг у друга, чтобы играть квартеты великих композиторов. Однажды для выступления в специальный концертный зал пригласили самого Скрябина! Фаине довелось при этом присутствовать. Она запомнила, что у рояля стояла большая лира из цветов и что Скрябин, выйдя к инстру-

Фаина Раневская

менту, улыбнулся цветам. Лицо его было совершенно обычным, можно даже сказать — заурядным, пока он не стал играть. И тогда Фаина услышала и увидела перед собой гения. Она считала, что именно этот концерт навсегда втянул ее душу в музыку, которая стала страстью ее долгой жизни.

В воспоминаниях Фаины Раневской Таганрог предстает совсем не таким скучным городом, как в воспоминаниях Чехова. И это несмотря на то, что особой любви к родному городу Раневская никогда не выказывала, а уехав из него в 1915 году в Москву, более там никогда не бывала.

Раневская и Чехов не были знакомы, но невозможно родиться в одном и том же городе, провести в нем детство и юность и ни разу не соприкоснуться друг с другом, пусть даже и опосредованно. Павел Егорович Чехов, отец великого писателя, построил в Таганроге каменный дом на углу Елисаветинской улицы и Донского переуллка, где в юности жил и сам Антон Павлович. Об этом доме было упомянуто во вступительном слове автора — дом Чеховых находится примерно на полпути от железнодорожного вокзала до дома номер 12 по Николаевской улице, который Гирш Фельдман выстроил для своей семьи.

Перед самым отъездом сына на учебу в Москву Павел Егорович, будучи в то время сильно стеснен в средствах, заложил дом своему постояльцу, таганрогскому купцу Г.П. Селиванову за шестьсот рублей. В 1876 году Павел Егорович, владевший магазином с заслуживающей внимания вывеской «Чай, сахар, кофе, мыло, колбаса и другие колониальные товары», обанкротился и был вынужден бежать от кредиторов в Москву. Купец Селиванов, как и подобало торговому человеку, внакладе не остался — впоследствии он продал чеховский дом за пять тысяч рублей еврейскому благотворительному обществу, председателем которого был, как мы уже упоминали, не кто иной, как Гирш Хаимович Фельдман. Общество приобрело дом с определенной целью — устроить там еврейскую богадельню.

Гимназический товарищ Чехова, народоволец и лингвист, писатель и этнограф (большой специалист по чукчам), поэт

и ученый Владимир Тан-Богораз так вспоминал о своем визите в эту богадельню: «Я посетил этот чеховский дом в один унылый осенний вечер. В доме было темно и грязно. Везде попадались узкие кровати, старые, неопрятные люди с седыми бородами, но комнаты остались без всяких изменений. Тот же старый полуподвальный вход и рядом деревянное крылечко без перил, похожее на приставную лестницу, те же неожиданные окна под самым потолком».

Между прочим, Богораз не раз бывал и в доме Фельдманов. Фаина Георгиевна однажды в шутку сказала Самуилу Яковлевичу Маршаку, что он еще совсем молодой в сравнении с ней, ведь она в детстве видела самого Богоразу, беседующего с ее отцом на библейские темы на иврите. Самой Фаине эти темы были тогда непонятны, а Богоразу она любила за его замечательные стихи, которые прочла много позже, когда уже жила в Москве.

В таганрогском театре, небольшом, но удобном, любовно построенном с помощью меценатов города, среди которых был и Гирш Фельдман, гастролировали не только провинциальные, но и известные, прославленные артисты. Фаине хорошо запомнился актер Павел Самойлов, игравший в спектаклях «Привидения» по Ибсену и произведший на нее, юную романтическую особу, сильное впечатление. Ей и в пожилом возрасте слышался его голос и виделись его глаза: «Мама, дай мне солнца...» Вспоминая Самойлова, Раневская каждый раз не могла сдерживать слез...

Очень сильное впечатление на юную Фаину произвела опера. Первое впечатление от оперы, по ее собственному выражению, «было страшным». Впечатлительная девочка холодела от ужаса, когда кого-нибудь убивали, да вдобавок еще и пели при этом. Фаина Георгиевна рассказывала, что в театре она громко кричала и требовала, чтобы ее увезли в такую оперу, в которой не поют. Столь напугавшее ее зрелище называлось «Аскольдовой могилой». Когда же в самом конце убитые выходили раскланиваться, да при этом еще и улыбались, она почувствовала себя обманутой и еще больше возненавидела оперу. Должно быть, ее оттолкнула некото-